

ЮЛИАН ПЭНКЕ¹

Берлин, Германия

НЕОБХОДИМОСТЬ ПОНИМАНИЯ ИМПЕРСКОЙ ПРИРОДЫ ЕВРОПЫ — ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И АРАБСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Сквозь кризисы Европа всегда становилась сильнее. Но завтрашняя Европа будет выглядеть иначе. Одни государства станут еще более интенсивно сотрудничать друг с другом. Другие государства будут требовать шаг за шагом все больше исключений для себя и будут искать что-то похожее на Европу *a la carte*. (Другими словами, двухскоростная Европа?). Возможно даже будет больше, чем две скорости.

Р. Проди, 2011

Ключевые слова: трансформации, Арабский мир, европейская интеграция.

Key words: transformations, Arab world, European integration.

В настоящее время Арабский мир претерпевает значительную трансформацию. Некоторые аналитики сравнивают эту ситуацию с изменениями в Восточной Европе в 1989 г. На северном побережье Средиземноморья Европейский союз охвачен фундаментальным кризисом финансовой стабильности, институциональной легитимности и всеобщего направления своего интеграционного проекта. Брюссель столкнулся с двойным вызовом: преодолением долгового кризиса и арабскими революциями. К концу 2011 г. немецкий журналист писал: «Сейчас же прекратите ныть. Европа может быть восстановлена только теми, кто создаст ее заново. Финансовый кризис — это критическая ситуация в истории Европейского союза».²

Если стратегическим ответом на введение общего рынка и евро и распад Советского блока в 1990-е гг. было образование Союза согласно Маастрихтскому соглашению и соглашениям о расширении, то каким будет стратегический ответ Брюсселя в 2011 г.? Что еще более важно, ЕС должен понять свою имперскую природу и воспользоваться ей, рассматривая ее как особую форму легитимации власти. Ее внутренний компонент — многоуровневое управление, создающее некоторое число перекрывающих зон различных уровней интеграции; и внешне это характеризуется общим набо-

---

Юлиан Пэнке, доктор, приглашенный лектор DAAD, лектор в Институте политических наук (Institut des Sciences Politiques, Campus des sciences sociales), Центр изучения ЦВЕ (Center for Central and Eastern Europe), Кампус социальных наук Роберта Боша Университета Сант-Жозеф (Campus des sciences sociales of the Robert Bosch Stiftung Université Saint-Joseph), Германский совет внешних сношений (German Council on Foreign Relations, DGAP). E-mail: julian.paenke@web.de, paenke@dgap.org.

¹ Former Italian prime minister and ex-president of the European Commission in an interview with the German journal Der Spiegel. Spiegel-Interview, 'Germany Must Make a Decision or the Game Is Over', in: Der Spiegel, No. 48, 28.11.2011. Translated version into English available under <http://www.spiegel.de/international/europe/0,1518,800351,00.html> (14.12.2011)

² Günther Nonnenmacher, Europa an einem Wendepunkt, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 10.11.2011, p. 1 (translation by the author).

ром ценностей, реализованных в некой экстравертной «миссии». Полезно взглянуть на политику ЕС после 1989 г. Несмотря на все разочарования последних лет в целом и в Евро-средиземноморском сотрудничестве в частности, обзор первого имперского периода до 2004 г. дает серьезные надежды на обнадеживающее будущее для европейской интеграции.

В 2011 г. лидеры ЕС, очевидно, не смогли убедить остальной мир в устойчивости интеграционного проекта, и у них не хватило способностей отреагировать на революции на Ближнем Востоке и Северной Африке.¹ В последние месяцы казалось, что «Старая Европа» мертва, «эта конструкция сверкающих домов громких имен, этот огромный ящик идей мира, свободы, хорошей жизни, Европа больших слов и непоколебимых соглашений, Вавилонский монстр, производящий тонны документов на 23 языках каждый день» исчез.² Так ли оно?

Наиболее показательным примером несоответствия стремлений и реальности является внешняя политика Европы: отсутствие таковой в первые дни революций в Тунисе и Египте, когда Париж действительно рассматривал поддержку режима Бен Али и был против протестующих и военной интервенции в Ливию, а Германия воздержалась на Совете Безопасности ООН. Кроме того, казалось, что институты Лиссабона привнесли «больше неопределенности, чем ясности в способности и роль Европы в мире»³. Тем временем, Верховный представитель Союза по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон произвела особое впечатление, интерпретируя ЕС просто в качестве огромной организации помощи, а не глобального актора. Хотя все согласны, что «это просто нелепо допускать, что голос Европы будет считаться, если она все еще не научилась говорить в один голос»⁴, здесь не должно быть сомнений, что в начале 2012 г. ЕС стал значительно менее привлекательной моделью управления в мировом масштабе, чем это было несколькими годами прежде.

В оценочной ведомости внешней политики ЕС 2012 г. указывается: «Континент, который однажды стоял за процветание и великодушный общественный договор, сейчас держит курс в сторону десятилетия аскетизма — едва призывая к появлению сил, чей рейтинг роста гораздо превышает европейские — между государствами-членами снова появилось напряжение, и, вероятно, оно будет увеличиваться».⁵ Особенно эти тренды высокой ренационализации причиняют беспокойство в последние два года. Чтобы преодолеть национальные окольные пути и в конце концов активизировать потенциал каждой кризисной ситуации, Брюссель должен комбинировать внутренние и внешние стороны европейской интеграции. Старая поляризация, которая осуществляла деятельность по углублению Союза вместо его расширения, должна быть изменена.⁶ Фактически ЕС должен соответствовать своему имперскому характеру в первую очередь и на этой основе определить глубокую, но узкую стратегическую концепцию.

Империя наносит ответный удар.

---

¹ Justin Vaïsse, Hans Kundnani et al., European Foreign Policy Scorecard, European Council on Foreign Relations (ECFR), January 2012, p. 9.

² Thomas Darnstädt, Christoph Schult, Helene Zuber, Weltmacht der Werte, in: Der Spiegel, Nr. 46, 14.11.2011, p. 38–46, p. 38.

³ Jan Techau, Time for Strategic Europe, Carnegie Europe, 15.09.2011.

⁴ Jürgen Habermas, in: Thomas Darnstädt, Christoph Schult, Helene Zuber, Weltmacht der Werte, in: Der Spiegel, Nr. 46, 14.11.2011, p. 38–46, p. 42.

⁵ Justin Vaïsse, Hans Kundnani et al., European Foreign Policy Scorecard, European Council on Foreign Relations (ECFR), January 2012, p. 11.

⁶ Cf. Jan Techau, Time for Strategic Europe, Carnegie Europe, 15.09.2011.

До недавнего времени идея империи была полностью отвергнута большинством западных ученых, которые воспринимали ее как нейтральное или даже положительное понятие, дискредитированное колониальной историей последних 150 лет. С дебатами вокруг американской однополярной международной системы и более сбалансированной оценкой Австро-Венгерской, Российской и Османской империй в европейской историографии термин снова получил известность.¹ Особенно аналитики из стран БРИК ратуют за идею империи, которая предоставляет общественные блага и фундаментальную безопасность, в котором нуждается общество. Для китайцев и индийцев стабильность, которая обеспечивается гегемоничными режимами, таким как Пакс Романа или Пакс Британника, явно перевешивает их негативные аспекты.²

Что касается международных отношений, это было передовым односторонним подходом США сразу после войны в Ираке в 2002 г., напоминая в доктрине «Большой Ближний Восток» имперскую программу, которая инициировала снова имперский дискурс.³ Журналист Майкл Игнатиев писал в «Нью-Йорк Таймс»: «Идея империи — это то, что она стала в таком месте, как Ирак последней надеждой одинаково демократии и стабильности».⁴ Он отгораживает эту идею от империализма, говоря что она «не похожа на империи прошлых лет, построенных на колониях, завоеваниях и бремя белого человека. (...) Империя XXI в. — это новое изобретение анналов политической науки, упрощенная империя, (...) гегемония, изящными признаками которой являются свободные рынки, права человека и демократия». В любом случае имперская программа пытается расширить свои «нормальные» национальные интересы до легитимной «миссии», она за распространение свободы и демократии, распространение ценностей социализма или «мира под одним небом», как в Китае. Из-за нехватки однородности внутри и отсутствия исключительно осознанной национальной идентичности имперская идентичность добивается легальности, разрабатывая некую более высокую цель, ценность,двигаемую цивилизованной «миссией» вовне. Отдельные идеологии могут отличаться, но программа всегда символизирует инструмент против нашествия хаоса и подтверждает понимание собственной миссии как защитный порядок.⁵ Имперская «миссия» — это первый внешний компонент в понимании имперской природы.

США, Российская Федерация, Китай и Европейский союз не осмелятся назвать себя имперскими силами. Согласно Параг Хану все они имеют более или менее раз-

---

¹ The most recent example is the current bestseller of the German author Christian Kracht, *Imperium*, Cologne 2011. The book broaches the issue of an Idealist seeking to establish a personal utopia in the German colonies in the South Seas, redeeming Europeans from the destructive forces back home.

² See Zhu Liqun, *China's foreign policy debates*, Chaillot Papers 121, Paris: Institute for Security Studies, European Union, September 2010, p. 23 f.

³ Cf. among others Herfried Münkler, *Imperien. Die Logik der Weltherrschaft — vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten*, Berlin 2005, p. 7; Beverly Crawford, *Power and German Foreign Policy: Embedded Hegemony in Europe*, London 2007; Parag Khanna, *Der Kampf um die Zweite Welt. Imperien und Einfluss in der neuen Weltordnung*, Berlin 2008; Alan Posener, *Imperium der Zukunft. Warum Europa Weltmacht werden muss*, Munich 2007; Jeremy Rifkin, *The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream*, 2004.

⁴ Michael Ignatieff, *The American Empire. The Burden*, in: *New York Times Magazine*, see: <http://www.nytimes.com/2003/01/05/magazine/the-american-empire-the-burden.html?pagewanted=all&src=pm> (22.03.2012)

⁵ See Herfried Münkler, *Imperien. Die Logik der Weltherrschaft — vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten*, Berlin 2005, p. 8.

витые имперские программы и, что более важно, осознают это. Они пытаются придать новый вид земному шару в соответствии со своими интересами. Затевадается игра, в которой природные ресурсы и потенциальные богатства таких стран, как Украина, Турция и Бразилия, являются главным призом. «В большой степени будущее стран второго мира зависит от их взаимоотношений с тремя сверхдержавами», пишет он, «а будущее сверхдержав зависит от того, как они будут управлять вторым миром».¹

Если говорить об историографии, то есть впечатление о постоянной сектантской борьбе в периферийных регионах европейского континента, которая привела к росту числа ученых более умеренного отношения к крупным историческим империям.² Такие конфликты продолжают существовать на Балканах между Сербией и бывшими югославскими республиками, особенно Косово; на Кавказе между Грузией и Северокавказскими республиками России, так же как и между армянами и азербайджанцами в Нагорном Карабахе; или в бывшей Бессарабии между Молдовой и Приднестровьем; и наконец последнее, но не по важности, на Ближнем Востоке, где Ливан и Иордания всегда находятся на грани войны, и Сирия, идущая открыто в последние годы к гражданской войне.

Способность имперского умиротворения представляет собой другой внутренний компонент имперской природы. Имперская власть характеризуется вертикальным и горизонтальным многомерным управлением, которое приводит к «изменяемой геометрии». Вертикальное расположение наднациональных, национальных, региональных и местных властей скреплено с горизонтальной всеобъемлющей политической сетью и имеет следствием константу «переговоры между правительствами на различных территориальных уровнях».³ Эти гибкие взаимосвязи дают различный уровень автономии субъектам в вопросах и постоянно обсуждаемых отношениях между имперским центром и регионами в двусторонних рамках. Многоуровневые подходы получили известность в конце 1990-х гг. как альтернатива признанным функционалистским подходом теории интеграции.⁴

---

¹ Parag Khanna, *The Second World. How Emerging Powers are Redefining Global Competition in the 21st Century*, New York 2008, abstract.

² Among others on the Habsburg Empire: Michael Ley, *Donau-Monarchie und europäische Zivilisation. Über die Notwendigkeit einer Zivilreligion*, Wien 2004; on the Russian Empire Andreas Kappeler, *The Russian Empire. A Multi-Ethnic History*. New York 2001, on the idea of imperialism as simultaneously internal and external see Alexander Etkind, *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*, Cambridge 2011; on the Ottoman Empire Karen Barkey, *Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective*, Cambridge 2008. Barkey analyzes the flexible techniques by which the Ottomans maintained their legitimacy, the cooperation of their diverse elites both at the center and in the provinces, as well as their control over economic and human resources were responsible for the longevity of this particular "negotiated empire."

³ Cf. for a discussion of integration theories John McCormick, *Understanding the European Union. A concise introduction*, Houndsmills, Basingstoke 2008 (4), p. 1–23.

⁴ See Gary Marks, *Structural policy and Multi-level governance in the EC*, in: Alan Cafruny and Glenda Rosenthal (eds.), *The State of the European Community: The Maastricht Debate and Beyond*, Boulder (CO) 1993, pp.391–411; Liesbet Hooghe, Gary Marks, *Multi-level Governance and European Integration*, Boulder (CO) 2001; Iris Kempe, Wim van Meurs, *Neues Denken für ein Neues Europa*, in: *Osteuropa*, No. 53.8, 2003, p. 1149–1158; Ian Bache, Matthew Flinders, *Multi-level Governance*, Oxford 2004. Roughly European integration witnessed three distinct periods closely linked to theory development: 1) the Functionalist era from the EC's origins in 1950 until 1965, when the veto in the common institutions became apparent; 2) Intergovernmentalism dominated until the 1990s, Andrew Moravcsik's "Choice for Europe" a classic standard of liberal Intergovernmentalism; 3) since the be-

Гибкое понимание многоуровневого управления имеет свои достоинства в этнических, конфессиональных и других линиях разделения регионов, особенно в европейской периферии (Балканы, Кавказ, Ближний Восток). Примеры исторических империй, таких как империя Габсбургов, Российская или Османская империи, показывают определенные достоинства по сравнению с национальными «решениями». Можно сказать, что ЕС представляет собой для мусульман на Балканах старую империю Габсбургов со всей ее безопасностью и толерантностью по отношению к религии — отделенную от национального закрытого мышления, преобладающего в тех регионах.¹

В наше время продолжается спор между двумя концепциями государственной легитимности: современный национализм против империализма. Под влиянием Атлантических революций и индустриализации конца XVIII в. «воображаемое сообщество» нации победило этот спор со своей идеей однородного общества, хорошо адаптированного к нуждам современных производственных требований.² Империи не нуждаются во всех тех потенциально конфликтных элементах нации: нет необходимости в общей истории, одном языке или религии, разделяемых обычаях и традициях, так же как и ясно очерченных границ. Где кончается Европа? Имперская Европа наднациональна и изменчива. Британский ученый Роберт Купер говорил: «Этническая исключительность, характеризующая национальное государство, не соответствует нашему времени без границ».³

Империя наносит ответный удар: в начале XXI в. после того, как мы стали свидетелями ужасов построения нации и столкнулись с реальностью глобализации, подрывающая государственный суверенитет постмодернистская Европа кажется более привлекательной, чем в конце XIX в., когда национализм был в расцвете. Оба компонента постнациональной имперской природы, как построение идентичности многонациональных сообществ через имперское чувство «миссии»⁴, так и имперское умиротворение на основе многоуровневого управления могут представлять крайне богатый потенциал для борьбы с надвигающимися проблемами. Традиционная слабость империй, их текучесть превращается в ее преимущество. Империи всегда находятся в процессе развития.

Маастрихт и расширение на восток: основа имперской Европы

Европейская интеграция была задумана как имперское право с самого начала, с решения шести государств объединить свои суверенитеты в индустрии угля и стали в рамках ЕОУС в 1950 г., которое быстро делало успехи по функционалистскому пути Ро-

---

ginning of the 1990s ideas of Multi-Level Governance became prominent, cf. John McCormick, *Understanding the European Union. A concise introduction*, Houndsmills, Basingstoke 2008 (4), p. 1–23.

¹ Michael Martens, *Als der Islam nach Europa kam*, in: *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 11.01.2012, p. 8.

² On Modernist approaches on Nationalism see for example Benedict Anderson, *Imagined Communities. Reflections on the origin and spread of nationalism*, London 1991; Ernest Gellner, *Nations and Nationalism*, Oxford 1983; and Eric J. Hobsbawm, *Nations and nationalism since 1780. Programme, myth, reality*, Cambridge 1990.

³ See Thomas Darnstädt, Christoph Schult, Helene Zuber, *Ein Europa — ein Volk?* In: *Der Spiegel*, No. 48, 28.11.2011, pp. 102–108, p. 102.

⁴ Cf. Herfried Münkler, *Imperien. Die Logik der Weltherrschaft — vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten*, Berlin 2005, p. 7 and on Imperial Nationalism Theodor Schieder, *Typologie und Erscheinungsformen des Nationalstaats in Europa*, in: *Historische Zeitschrift*, No. 202, Munich 1966, pp. 58–81.

берта Шумана и Жана Моне в развитии многих сфер экономического сотрудничества по Римскому договору 1957 г. После двадцати лет пассивной стагнации, прерванной лишь двумя раундами расширения до 12 государств-членов в конце 1980-х гг., Европейское сообщество наконец нашло недостающее звено, чтобы утвердиться в качестве полной империи в глобальном масштабе. Кроме того в Брюсселе накопился важный опыт во взаимодействии с соседними государствами, в которых происходила смена режима в 1970–1980-е гг., когда Европейское сообщество включило в себя бывшие диктатуры Южной Европы (Греция, Испания, Португалия) в рамках «Третьей волны демократизации» после падения режима Салазара в Португалии в 1974 г.

Посредством Единого европейского акта 1986 г., предусматривающего общий рынок, наряду с инициативой 1989 г. Комиссии Делора и германского канцлера Гельмута Коля (под воздействием обозримого объединения Германии) ввести общую европейскую валюту евро, ЕС заложило экономические и внутренние основания для имперской Европы. В 1980-е гг., более того, происходила реализация общих структурных фондов, целью которых было социальное единство среди стран-участниц.¹ Маастрихтское соглашение 1992 г. стало источником имперской Европы, дополнив экономическую основу Сообщества Общей внешней политикой и политикой безопасности и Общей политикой в области внутренних дел и правосудия, включая сотрудничество в вопросах безопасности. Новый Европейский союз включает теоретически внешний компонент общей внешней политики.

Вокруг этих трех столпов Европы развернулись дискуссии. Неожиданный распад Советского Союза и начало трансформаций в бывших коммунистических стран после 1989 г. застали ЕС врасплох. Оба процесса вместе, фундаментальный переход Союза от сообщества экономически свободного рынка к ценностно-ориентированному союзу, с одной стороны, и значительные изменения, начавшиеся в ближайшем окружении, с другой стороны, представили собой «двойной вызов» для Брюсселя. После трехлетнего периода неопределенности в Брюсселе наконец приняла вызов, введя беспрецедентную инициативу расширения на восток.

В июне 1993 г. в Копенгагене ЕС сформулировал важный критерий, который стал ориентиром для присоединения к Союзу. В первую очередь были выделены общие ценности и через СМИ были доведены до европейской публики: демократия, опирающаяся на защиту прав меньшинств, свободная рыночная экономика и принятие Европейского права. Экономические стимулы являлись основными инструментами выявления соответствия имперским преференциям. Некоторые из них принимали форму традиционных компромиссов: предложение иностранной помощи, рынок акций и инвестиций в обмен на кооперативное поведение. Другие описывают яркие будущие перспективы, прежде всего процветание объединенной Европы. Эти стратегии «могут вызвать в воображении воспоминания о советских призывах к жертвам ради будущих успехов».²

---

¹ The idea of structural aid for deprived regions was first developed in the early 1970s. Even if the European Social Fund (ESF) had been established in 1958, followed by the ERDF in 1975 and subsequently the idea of structural funding grew immensely. With the accession of poorer countries — Greece, Spain and Portugal — in the 1980s, regional funding became a key means of bringing these countries' wealth up to the European average. In 1994, this idea was taken further with the creation of the Cohesion Fund, which was designed to encourage economic convergence between member states.

² Andrew C. Janos, *East Central Europe in the Modern World. The Politics of the Borderlands from Pre- to Postcommunism*, Stanford 2000, p. 365.

На саммите в Эссене в 1994 г. ЕС утвердил элементы и необходимые шаги процесса по вступлению в Союз. При этом Брюссель неосознанно встал на путь внешнего расширения источников имперских уступок, вводя различные уровни управления и размывая тем самым границы между полными членами союза и странами, находящимися в переходном положении: ассоциированными членами, кандидатами, кандидатами, с которыми ведутся переговоры о вступлении, и т. д. Реальность различных зон интеграции была расширена также и на внутреннем уровне, с отменой пограничного контроля в Шенгенской зоне в 1996 г. Расширение и углубление на самом деле работали гармонично, вели к прогрессу на пути к «все более крепкому союзу». К концу десятилетия, после образования валютного союза в 1999 г., в 11 из 15 стран-членов ЕС¹ обрел свою имперскую форму управления, с множеством исключений в особых областях.

Возможно, эти решительные шаги в европейской интеграции были усилены (если не стали возможны) благодаря давшей необходимое чувство смысла и идентичность «миссии» по «объединению континента». «Возвращение в Европу» было притягательным слоганом в 1990-е. Большинство стран региона Центральной и Восточной Европы пережили в период между 1993 и 2004 гг. переход от Советской империи к Европейской. Более свободно координируемые Европейские силы столкнулись на соседних территориях с политическим вакуумом. «В отличие от СССР, у них не было какого-то четкого географического замысла, их не вдохновляли перспективы территориального захвата или внезапных экономических выгод».² «Что служило мотивом для будущего гегемона, так это политика, вначале окрашенная в слабые тона желания действовать согласно риторике Запада времен холодной войны — риторике, осуждавшей разрыв континента на части, говорившей об общей культуре, уничтоженной варварами, и о «плененных нациях» за «железным занавесом» — затем это были идеи о поддержании безопасности. С одной стороны, угроза нового вызова со стороны России стала гораздо более далекой; с другой стороны, близкой была перспектива хаоса и беспорядка на соседних землях, видения маячивших волн нищих беженцев, идущих к ним, пугали Запад».³ Кандидаты на вступление сами отдавали себе отчет об имперской природе политики ЕС, не было ни малейшего сомнения в том, кто здесь главный, кто, иными словами, выступает в роли «миссионеров» с «библией»⁴ в руках. В процессе расширения ЕС получил свою имперскую повестку дня.

Подобное понимание европейской внешней политики получает широкие оценки; Кристоф Бертрам, бывший директор немецкого исследовательского центра Института международных отношений и безопасности, рассматривает расширение как наиболее успешный инструмент внешних сношений ЕС.⁵ По всей вероятности, нарратив «воз-

---

¹ Зона евро стала еще более сложной, если учесть что, что евро — это валюта, принятая в протекторате ЕС Косово и ассоциированном члене — Черногории.

² Andrew C. Janos, *East Central Europe in the Modern World. The Politics of the Borderlands from Pre- to Postcommunism*, Stanford 2000, p. 363. As well as Andrew C. Janos, *From Eastern Empire to Western Hegemony. East Central Europe under Two International Regimes*, in: *East European Politics and Societies (EEPS)*, Frühling 2001, Berkeley, p. 221–250.

³ Ibid.

⁴ Ср. András Sajó, *Was macht der Westen falsch bei der Unterstützung der Rechtsreformen in Osteuropa*, in: *Kritische Justiz*, Bd. 30, 1997, p. 495–503.

⁵ See *The Limits of Europe. Where will it all end?* In: *The Economist*, 17.05.2001. “Christoph Bertram, director of the *Stiftung Wissenschaft und Politik*, a Berlin-based think-tank, argues that the EU has developed only one foreign-policy tool, the offer of enlargement. ‘It has proved a really excellent way of persuading countries to behave in the ways that you want,’ he says. ‘But sooner or later the

вращения в Европу» стал той объединяющей силой, которая поддержала интеграцию в 1990-е гг. и достигла высшей точки в мечте о Европейской конституции в начале нового тысячелетия. Между 1986 и 2004 гг. Брюссель сделал стремительный рывок от одной вехи к другой и продолжает движение.

Интеграция и арабские революции: неосторожная (опрометчивая) Имперская Европа

В нескольких отношениях 2004 г. стал вехой, критической точкой в развитии европейской интеграции. Заботясь о завершенности ЕС, некоторые его члены были увлечены национальной мечтой о Федеративной Европе, провозглашенной в ходе борьбы за учреждение Европейской конституции в период между 2001 и 2004 гг. После референдумов в Нидерландах и во Франции в 2005 г. проект конституции провалился. Следующий период характеризовался изнуряющими спорами вокруг возможности расширения европейской политики обороны и военных возможностей ЕС. Интеграционный проект потерял в значительной степени свою динамику, что было заметно по тому, как общество устало от постоянных, построенных на саморефлексии публичных дебатов. Лиссабонский договор 2007 г. не преуспел в разъяснении роли институтов ЕС и парадоксальным образом укрепил межправительственные механизмы союза.

В качестве ответа на восточное расширение Брюссель инициирует в 2003 г. создание Европейской политики соседства (ЕПС, the European Neighbourhood Policy). Это был своего рода «побочный эффект», результаты которого до сих пор оставляют желать лучшего.¹ ЕПС остается «миксом беспорядка и уловок».² Главная критика касается следующих моментов: 1) Восток против Юга: «Основной вызов для ЕПС состоит в том, что она должна прийти в соответствие с требованием о создании общих рамок для всей европейской периферии»;³ 2) дифференцирование и акцент на многосторонности: «для функционирования Европейской политики соседства, для баланса между всей ее структурой и региональными компонентами важно соблюдать баланс между двусторонним и многосторонним подходами, (...) носит ли обсуждение вопроса всеобщий характер или рассматривается на уровне региона»;⁴ 3) асимметрия и владение: «Главные прин-

---

EU has to be able to draw a line and work out new forms of relationships with countries that are not going to join the Union.' (...) The EU is gradually turning into a series of overlapping clubs. Some rules, in particular those governing the internal market—which is still the EU's most important feature—will have to be adopted by all members. But membership of other clubs will be optional.”

¹ Cf. Katrin Böttger, *Die Entstehung und Entwicklung der Europäischen Nachbarschaftspolitik. Akteure und Koalitionen*, Baden-Baden 2010, p. 163.

² *Financial Times* (german edition), 25.07.2008. Cf. Barbara Lippert, *Die Europäische Nachbarschaftspolitik: viele Vorbehalte — einige Fortschritte — unsichere Perspektiven*, Internationale Politikanalyse der Friedrich-Ebert-Stiftung, 03.2008, p. 13; Joachim Fritz-Vannahme, Armando García Schmidt, Margarethe Gawelek, Christian-Peter Hanelt, Cornelius Ochmann, *Hallo Nachbar! Für eine neue EU-Politik von Marokko bis Aserbaidshan*, spotlight europe 2008/07, Bertelsmann Stiftung; Henning Riecke, *Eine europäische Angelegenheit: EU und NATO im Südkaukasus*, DGAPstandpunkt, No. 15, 09.2008, p. 2; Annegret Bendiek, *Wie effektiv ist die Europäische Nachbarschaftspolitik? Sechzehn Länder im Vergleich*, SWP-Studie S24/09.2008, Berlin; Katrin Böttger, *Die Entstehung und Entwicklung der Europäischen Nachbarschaftspolitik*, Baden-Baden 2010, pp. 161 ff.; Julian Pänke, *Europe's External Relations in Blind Flight. Overcoming the Strategic Disorientation*, in: Sergej Kondratiev et. al. (eds.), *Europe. International Almanac X*, Tyumen 2011, pp. 165–176.

³ *European Neighbourhood Policy — Potential and Perspectives*, Expert Conference, 3rd — 4th of December 2009, Genshagen Castel, Conference Report, p. 4 f.

⁴ *Ibid.*, p. 5 f.

ципы, лежащие в основе управления функционированием ЕПС, строятся вокруг столь восхваляемого в ЕС принципа «владения». Хотя через шесть лет после создания ЕПС вопрос о том, все ли партнеры участвуют в ней в достаточной степени, остается открытым на всех ступенях и на всех уровнях». ¹ ЕПС страдает от внутренних, присущих ей противоречий: Юг противопоставлен Востоку, вхождение в Союз — партнерству, со-владение — условности, ситуация ухудшается из-за недостатка реальных стимулов; на горизонтальном уровне — между странами-членами ЕС, — как и на вертикальном — между институтами ЕС, преобладают конфликты интересов.

Анализируя восточное измерение, многие аналитики ставят под сомнение позицию Брюсселя, который «видит интеграцию с восточными соседями вопросом важным настолько, чтобы это могло служить оправданием вложению в этот процесс значительных ресурсов». ² Katarzyna Pełczyńska-Nałęcz прогнозирует продолжение подобной «двойственной стратегии», выражающейся в «притворстве как со стороны ЕС, так и со стороны его восточных партнеров, просто имитирующих процесс интеграции». ³ Ключевой проблемой для Брюсселя остается «невозможность ответить на вопрос о перспективах членства восточно-европейских соседей или определить четко цель, которую могла бы преследовать интеграция без членства. (...) Все это делает политику ЕС непонятной как для ее членов, так и государств-партнеров, и, без сомнения, уничтожает мотивы и тех, и других». ⁴

Это справедливо и в отношении южного соседства ЕС, даже в большей степени, в связи с ярко выраженной нерешительностью между двусторонними мероприятиями, заявленными в программе ЕПС, и многосторонним подходом союза к Средиземноморью, инициативой 2008 г., предложенной Николя Саркози, которая послед включения в нее Израиля была обречена на провал, если взять в расчет хотя бы текущее состояние и перспективы процесса арабо-израильского мирного урегулирования. Более того, европейские лидеры сделали большую ошибку, спутав стагнацию с безопасностью. Тройка по безопасности против угроз терроризма, неконтрольной миграции и надежды на гарантированные энергетические поставки были похоронены альянсом с авторитарными режимами Ближнего Востока и Северной Африки. ⁵ Подобная политика шла вразрез с системой общих ценностей Брюсселя и, таким образом, подрывала любые попытки установить в регионе позитивную имперскую повестку дня, что могло бы убедить европейскую общественность в ответственности за ситуацию, оправдывало действия в Южном Средиземноморье, в частности, легитимировало бы Имперскую Европу в целом.

Важно отметить, что по обоим направлениям ЕПС «Европейский союз сопротивляется именно в тех областях, где, с точки зрения его партнеров, движение в направлении ЕС было бы наиболее выгодным (например, введение безвизового режима, доступ на сельскохозяйственный рынок и т. д.)». ⁶ Политике ЕС недостает политической воли,

¹ Ibid., p. 6 f.

² Cf. Katarzyna Pełczyńska-Nałęcz, *Integration or Imitation? EU policy towards its Eastern Neighbours*, OSW Studies, issue 36, April 2011, Warsaw, p. 6.

³ Ibid., p. 6.

⁴ Katarzyna Pełczyńska-Nałęcz, *Integration or Imitation? EU policy towards its Eastern Neighbours*, OSW Studies, issue 36, April 2011, Warsaw, p. 10.

⁵ Cf. Christian-Peter Hanelt, Almut Möller, *Was kann die EU für Nordafrika tun? Spotlight Europe*, No. 1, 2011 (February), Bertelsmann Stiftung, p. 3.

⁶ Katarzyna Pełczyńska-Nałęcz, *Integration or Imitation? EU policy towards its Eastern Neighbours*, OSW Studies, issue 36, April 2011, Warsaw, p. 10.

последовательности и, прежде, всего, доверия — того, что было у нее в ходе процесса воссоединения Европы в 1990-е. Под толчком арабских революций 2011 г. Брюссель получил шанс переоценить политику соседства, примирить ее со своей имперской природой. Сегодняшняя ЕПС, «по которой ЕС подписывает планы действий, направленные на реформирование стран периферии, проводит мониторинг их выполнения и награждает за успехи дополнительными выплатами, рынками или мобильностью, может побороться за значительное влияние в постреволюционной Северной Африке. В Центральной и Восточной Европе у ЕС было подобное влияние по трем причинам: во-первых, он выступал главной экономической и политической силой в регионе; во-вторых, у большинства стран просто не было выхода, кроме как принять нормы и ценности ЕС, подтверждая свою собственную европейскую идентичность; в-третьих, когда ЕС давал обещание принять страны в свои члены, он давал им сильнейший стимул пройти через весь этот болезненный этап перехода».¹

В случае с южным соседством картина совершенно другая. Во-первых, Брюсселю предстоит соперничать в регионе с другими игроками, такими как Китай, страны Персидского залива и Турция. «Эти другие игроки могут не предлагать денежные средства, которые предлагает ЕС, им все равно, выстраивают ли государства Северной Африки демократии или нет, но все это вряд ли имеет значение».² Во-вторых, многие из стран Южного Средиземноморья сами не хотят полностью принимать европейские стандарты и намерены защищать свою независимость, они в большей степени хотят освободиться от влияния Запада, чем подписываться под европейские нормы, если будет не предложена реальная, привлекательная альтернативы — полное членство в ЕС. «В-третьих, и самое важное, принимая во внимание кризис евро, Европа не верит, что в состоянии позволить себе такой же щедрый подход, как это было в отношении стран Центральной и Восточной Европы после 1989 г. Идея о том, что активное вовлечение в дела Северной Африки в действительности также принесет Европе значительные экономические выгоды (...) игнорируется».³

После революций в Тунисе и Египте, весной 2011 г., Брюссель предложил общую стратегию, пообещав «более сильные стимулы («деньги, рынки, мобильность»); принцип «большого за большее» и стремление действовать в согласии с гражданским обществом и строить «глубокую демократию», основанную на уважении закона, свободе слова, независимой судебной системе и беспристрастной бюрократической системе».⁴ Звучит это так же хорошо, как и прочие инициативы ЕПС в прошлом — только вот выполнить все, что Брюссель обещал, он так и не сумел. Деньги предоставлялись в форме займов через институты Европейского банка, о быстрой бюджетной помощи, прямой помощи или списании долгов говорить не приходилось. «Политики боялись негативной реакции со стороны общественного мнения, боялись попасть впросак, поэтому мобильность была урезана до смягчения визового режима для большего числа студентов, вместо того, чтобы открыть южные границы Европы для более широкой целевой аудитории. Хотя ЕС начал переговоры о свободной экономической зоне с Египтом, Тунисом, Марокко и Иорданией, перспектива открытия рынков все еще остается далекой, так

---

¹ Justin Vaïsse, Hans Kundnani et al., European Foreign Policy Scorecard, European Council on Foreign Relations (ECFR), January 2012, p. 13.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid., p. 12.

как южные члены ЕС опасаются конкуренции со стороны соседей и выступают против либерализации сельскохозяйственного сектора».¹

Внутри различных уровней интеграции и ассоциации европейские лидеры должны найти ответ на сложный концептуальный вызов — создать новую долгосрочную систему отношений со своими южными соседями. «Обусловленность» может работать, только если ЕС предложит большую морковку, связанную с новым типом партнерского статуса. Новая модель должна быть вписана в качестве составляющей большего нарратива, выражающегося в активной поддержке южных соседей в их трансформациях. Только такая повестка дня сможет завоевать сердца и умы европейской общественности, снова легитимирует проект европейской интеграции и, вероятнее всего, активизирует динамику внутри Союза. Отсутствие подобного нарратива — кроме идеи мира в Европе после 1945 г., отсылающего к текущим историческим событиям глобального значения, как это только возможно, усилит существующий сегодня в Европе упадок духа.

Заключение

Бывший польский дипломат, а ныне директор варшавского научного центра Януш Райтер написал недавно: «Арабская революция (...) и Центральная и Восточная Европа 1989 г. постоянно сравниваются, сопоставляются, но эти сравнения остаются без каких-либо политических последствий. В то время как опыт мирных революций (...) и успех трансформаций 1990-х гг. — более чем просто наследие, которым Европа может гордиться. Потенциально это важный инструмент Европейской политики соседства».² Успех зиждился, прежде всего, на осознании общего европейского проекта — объединении континента. Политика нуждается в эмоциональных нарративах, чтобы обрести легитимность и поддержку граждан. Основываясь на этих предпосылках, возможно сформулировать четкую стратегическую повестку — адекватный ответ на вызов Арабской революции. Главное политическое последствие между 1989 и 2004 гг. — это необходимость понять имперскую сущность Европы, которая включает в себя два существенных компонента:

1) многомерное управление. Европа уже обладает «изменчивой геометрией», что включает в себя накладывание и совмещение регионов с различным уровнем интеграции, что приводит к размыванию границ между Европой и ее соседями: Шенгенская зона, зона евро, Ассоциированные члены на Балканах, различные переходные периоды до полного доступа к общему рынку (Болгария, Румыния), Европейская ассоциация свободной торговли, включающая Исландию и Норвегию и др.;

2) имперская повестка. Европа уже имеет набор общих ценностей, определенных в нескольких соглашениях, развернутых внутри различных внешних миссий и освещенных в Копенгагенских критериях 1993 г. Нет никакой формально принятой идеологии, но есть разделяемые всеми интересы, опутанные исторически связанными традициями и памятью, которые дают начало набору базовых по своему характеру принципов,

---

¹ Ibid. Cf. Christian-Peter Hanelt, Elisabeth Dietel, Europa und die Arabellion 2012, in: spotlight europe, No. 5, 2011 (December), Bertelsmann-Stiftung; Volker Perthes, Der Aufstand — die arabische Revolution und ihre Folgen, Munich 2011.

² Janusz Reiter, Europa und die arabische Revolution, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 08.03.2011, p. 8. Януш Райтер был послом Польши в США и Германии в период трансформации, в настоящее время директор базирующегося в Варшаве исследовательского центра — Центр Международных Отношений.

легитимизирующих европейскую «миссию», позволяющих перенести этнокультурную сплоченность и верность на институты и коллективные названия.

У Имперской Европы есть одно большое преимущество: постоянные изменения в границах и качестве. По определению империя нуждается в постоянных трансформациях, это делает ее гибкой и позволяет адаптироваться к внешним вызовам и избегать многие острые вопросы, звучавшие на недавних дебатах в ЕС (завершенность Европы? Границы Европы?). Идея федеративной Европы привела к провалу проекта Конституции и разочарованию в Лиссабонском договоре. В течение следующих нескольких десятилетий Европа не сможет заявить о себе как о федерации. Недавние инициативы вроде выступления немецкого министра иностранных дел Гуйдо Вестервелле в Брюсселе, предложившего повторить вновь попытку создания конституции, не помогут.¹

Более того, никакая европейская внешняя политика не мыслится без Великобритании. Все большее число аналитиков требует увеличения роли ЕС-3, подчеркивая, что «Общая внешняя политика и политика в области безопасности имеет шанс на существование только если Великобритания, Франция и Германия встанут в один ряд и озвучат свои глобальные интересы».² Только тогда Имперская Европа будет обеспечена структурой. Евроскептицизм Британии не есть что-то новое, он стал еще более явным после прихода Дэвида Кэмерона, отказавшегося притворяться, что Лондон верит в мечты о федеративной Европе. Британская версия — это версия «Европы, которая тянется от Атлантического океана до Урала, которая включает в себя Урал, которая представляет собой бурно развивающийся единый рынок инноваций и изобретений... Континент великой политической воли».³

ЕС нужно снова подобрать нить империи и продолжать размывать границы в Евро-Средиземноморском пространстве — в идеале в комбинации с другими убедительными нарративами — общего пространства мира, демократии и благосостояния.⁴ Подобные нарративы — источник легитимности любой империи. Имперский союз может стать глобальной силой.

Пер. с англ. А. В. Шелудкова, Т. Д. Дисенбаева

SUMMARY

The Need to Understand Europe's Imperial Nature — European Integration and the Arab Revolutions. Currently the Arab world faces a major transformation. Several analysts have compared the situation with the changes of 1989 in Eastern Europe. On the Northern shores of the Mediterranean the European Union is occupied with a fundamental crisis of financial stability, institutional legitimacy and the overall direction of its integration project. Brussels faces the 'double challenge' of overcoming the Euro debt crisis as well as the Arab Revolutions.

¹ In the context of the successful debt conversion in Greece Guido Westerwelle introduced this idea. See Nikolas Busse, Und keiner sagte etwas, FAZ, 12.03.2012, S. 3. Гуйдо Вестервелле представил эту идею в контексте проведения успешной реструктуризации долгов Греции.

² Annegret Bendiek, Ronja Kempin, Europe's Foreign and Security Policy Adrift. Strengthening the Role of the EU-3, SWP Comments 39, December 2011.

³ David Cameron in Davos in January 2012, after German Chancellor Angela Merkel defined her vision of Europe's future in classically federal terms. Cf. Niall Ferguson, The British Prime Minister is coming to America, in: Newsweek, No. 12, March 19, 2012, pp. 24–30.

⁴ Cf. Crossing Borders — Rethinking the European Union's Neighborhood Policies, Almut Möller (ed.), DGAPanalyse, No. 2, 18.08.2011, Berlin.